

НИКОЛАЙ СКИБА

УКРОТИТЕЛЬ
IV

Николай Скиба
Укротитель. Зверолов
с Юга. Книга 4
Серия «Южный Раскол», книга 4

<https://litres.ru/74403339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новые главы будут выходить понедельник-среда-пятница.

Двадцать лет работы с хищниками научили меня - они не прощают суесть. Я погиб в огне, голыми руками вырывая тигра из заклинившей клетки. А очнулся на социальном дне чужого мира, в теле Зверолова по имени Рик.

Мой новый дом — «Яма», грязный питомник магических монстров. Местные псевдо-укротители лишь калечат тварей кнутами, превращая их в тупой утиль.

Там, где они видят безумного демона из Раскола, я вижу удивительное создание, которое нужно обуздать. Я покажу местной "элите", что такое опыт настоящего укротителя. А для начала — просто монетизирую их мусор, выбью себе свободу и заберу власть в "Яме".

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Скиба

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 4

Глава 1

Топот затих у самых ворот — всадники спешили.

Я поднял руку, и Кара с Нойсом отступили к флигелю. Шип бесшумно встал сбоку от створок, у самой стены, где его с дороги не разглядеть. Серый прижался к моей ноге и молчал, как на тренировке.

Пальцы до хруста сжали рукоять тесака. Я ждал наемников Тэрия, ждал штурма. Но что-то не сходилось. Прищурился, вглядываясь в щель между досками ворот.

Анализ.

Перед глазами развернулся привычный интерфейс. Я сфокусировался на ездовых дрейках. Пульс ровный, дыхание спокойное, мышечный тонус расслаблен. Никакого боевого стимулятора в крови или предстартового мандража, свойственного зверям перед атакой. Мышцы грудного отдела не напряжены для рывка.

Это не карательный отряд.

Меч плавно опустился. Адреналин отступил, уступая ме-

сто холодному расчету.

В ворота трижды ударили. Потом раздался молодой звонкий голос:

— Городская стража! Именем Совета — отворить ворота!

Я отвёл смотровую заслонку. Снаружи в свете двух факелов стояли пятеро — четверо в форменных куртках, с короткими копьями, и старший, с бляхой на груди и свёрнутым листом в кулаке.

— Двор закрыт, — сказал я в щель. — Кто такие и по какому делу среди ночи?

— Старший дозора Арон, городская стража! — Бляха качнулась к самой заслонке. — Предписание Совета о карантинных проверках подворий! В связи с угрозой эпидемиологической безопасности города — досмотр зверей и помещений! Открывай, Смотритель!

Вот оно что.

Тэрий был ни при чём — он попросту не успел бы. Эти выехали задолго до смерти Искры, с заранее выписанной бумагой. Формулировку про эпидемиологическую безопасность я слово в слово слышал от Мельсы — из той самой карантинной писанины Гордея. Значит, обычный обход подворий, и до моих ворот он добрался именно сегодня, по чистому совпадению.

Смешно. Я ждал от старика удара посерьёзнее, а получил пятерых сонных стражников. Сам Гордей, надо думать, даже не знает, куда этой ночью доехали эти люди.

Но тревога всё же проступила на секунду... и тут же сгинула.

Когда в зоопарк являлись люди с папками, глупее всего было оправдываться — такие комиссии жрали первыми. Работало лишь одно: знать правила лучше проверяющего. И так уж вышло, что этой ночью правила как раз играли за меня — оставалось повернуть их нужной стороной.

— Досмотра не будет, — сказал я. — Двор под карантинным затвором.

За воротами запнулись.

— Чего?.. — Старший дозора поднёс лист к щели, будто я мог прочесть его в темноте. — Ты, Смотритель, не путай! Карантин — это мы тебе объявляем, если найдём...

— Уже поздно. Сегодня в моём изоляторе пал зверь с признаками заразной болезни. Труп изолирован, изолятор заперт. — Я отвечал скучным голосом, будто вслух читал документ, и слышал, как по ту сторону створок становится тихо. — По карантинному уложению двор с подтверждённой заразой закрывается для посторонних. Вплоть до осмотра чиновным дознавателем. Любой, кто войдёт раньше — переносчик. Ты грамотный? Слово «переносчик» знаешь?

Спасибо, Мельса, что когда-то сказала мне учить правила.

Факел потрескивал. Кто-то из четверых переступил, и копыё звякнуло о пряжку.

— Какая... — Голос растерял всю уверенность. — Какая болезнь-то?

— Это я скажу дознавателю Канцелярии. Ему слушать как раз по чину, тебе — рано.

Я выждал и добавил ровно на полтона мягче, но голосом старшего, который отчитывает нерадивого стажёра:

— Арон, я тебе сейчас помогаю, если ты вдруг не понял. У тебя предписание на досмотр здоровых дворов, с целью выявления эпидемии. Про заражённые в нём ни строки, потому что для них другое уложение и совсем другие люди. Войдёшь — нарушишь оба. И унесёшь заразу в казарму на сапогах. С тобой люди, дрейки. Нет, если ты настаиваешь — заходи. Только потом уже лекарь Совета будет решать, где вам пятерым сидеть целый месяц под карантином.

За воротами надолго замолчали. Старший дозора думал. По предписанию ему полагалось войти, но после моих слов желание отпало, а спросить совета среди ночи было не у кого.

Выход у него оставался один, и я ему его подсказал.

— Сделаем по уставу. Ты доложишь в Канцелярию — подворье «Соляной», смотритель объявил карантин, сообщил о заражённой твари и требует дознавателя. Утром бумага будет у госпожи Мельсы, она моё подворье ведёт. Пусть она и решает, кого слать. Всё по регламенту. Никто не виноват.

— Никто не виноват... — повторил Арон, и ему заметно полегчало. Он свернул лист, отступил от заслонки и махнул своим. — По сёдлам! А ты, Смотритель... чтоб к утру была бумага! Я доложу, что ты сам потребовал дознавателя, понял? Сам!

— Слово в слово так и доложи.

Топот мускулистых дрейков простучал по тракту и стих в стороне города.

Я привалился спиной к створке и с полминуты просто дышал. Ноги держали, но в коленях гуляла мелкая дрожь — ситуация была напряжённая.

— Рик. — Кара первой подошла ко мне. — Они уехали?

— До утра. — Я оттолкнулся от ворот. — Потом сюда приедет уже Канцелярия. И я сам её позвал.

— Сам?! — Сестра уставилась на меня. — Ты только что сам позвал сюда проверку?!

— Экспертизу. — Теперь я специально говорил громко, на весь двор, чтобы слышал каждый. — Смотрите. Труп не спрятать. Тэрий уже кричит на весь Верхний квартал, завтра здесь так и так будут чужие. Весь вопрос — как я их встречу.

— Не как, а «каким». Виноватым, — хмыкнул Шип от створок. — Как ни встречай.

— Если труп найдут сами — да. Тогда я укрыватель, и что бы я ни говорил, слушать меня будут как виноватого, тут ты прав. А так я предъявлю труп первым, с заявлением. Смотритель обнаружил заразу и доложил по уложению — вот как это будет называться. Труп тот же, а ситуация уже изменилась.

Кара помолчала, что-то прикидывая, и по её лицу я видел, как до неё доходит.

— Нападение вместо обороны, — проговорила она. —

Как ты когда-то говорил.

— Вроде того. — Я кивнул на дом. — Неси чернила. Писать будем долго.

И я опять не спал ночь, и держался только на злости и остатках отвара.

В кабинете горели две свечи.

Кара взялась за перо — за месяцы с накладными её почерк стал твёрже моего — а я расхаживал от стола к окну и диктовал. Слова подбирались легко: подобных документов раньше писал чуть ли не сотни, а здешняя канцелярия, как выяснилось ещё при подписании договора с Корфом, любила те же обороты, что и наши конторы.

— Пиши. «Сегодня, после заката, на подворье „Соляной“ пал зверь — мантикора, самка, восьми лет, собственность купца Тэрия из Верхнего квартала». Точка. «Зверь принят на подворье в тот же день для лечения от истощения. Со слов владельца, хворал несколько месяцев и наблюдался врачами Верхнего квартала. Диагноза лекари не назвали».

Кара подняла голову от листа.

— Зачем про лекарей?

— Затем, что этот срок болезни Искры — их ответственность, а не наша.

Я остановился у окна. За стеклом чернел двор, у изолятора горел фонарь Шипа.

— Тэрий будет орать, что зверь сдох у меня всего за пару часов. Пусть. В нашем отчёте всё будет как надо. Что ни

один лекарь не разобрался, что со зверем было не так. Дознаватель сам сравнит сроки, опросит свидетелей и сделает вывод. Такому выводу поверят, а моему слову — нет.

Она хмыкнула и снова закрипела пером. Дальше пошло главное — то, что убило бедную мантикору. Те же чёрные мокнувшие пятна с белёсым плотным валиком по краю, серая кайма вокруг — признаки заразной болезни. Труп изолирован, изолятор заперт на оба засова, инвентарь обработан щёлоком, подворье закрыто на карантин. *Прошу направить чиновного дознавателя для осмотра и составления бумаги.*

Я проверил Тила. Мальчишка спал на моей лежанке, рядом на тюфяке посапывал Нойс — точно, я ведь ему приказал «глаз не спускать», и он понял по-своему. Я поправил сползшее одеяло, послушал ровное дыхание и вернулся в кабинет.

— А почему ты не пишешь, что это та самая болезнь? — Кара дописала строку и подняла на меня глаза. — Из порта. Про которую Вороны рассказывали. Ты же знаешь.

— Знаю. А в документах не должен. — Я сел напротив неё. — Смотри. Напишу я «та самая зараза» — и дознаватель первым делом спросит, откуда смотрителю с окраины известна портовая болезнь, о которой молчит Совет. И дальше разговор пойдёт уже про меня. Даже несмотря на то, что Селаний когда-то относил наверх мои заметки. Но реакции не последовало. Теперь подумай, нужно ли лезть на рожон? Нет уж. Пусть он сам увидит пятна и узнает их. С меня тогда

и спроса нет.

Кара смотрела на меня поверх свечи.

— Ты умный человек, Рик.

— Скорее очень усталый человек. Пиши последнее. — Я потёр глаза, в которые будто песка насыпали. — Отдельной строкой. «Аванс за лечение — двенадцать золотых — подворье полностью возвращает владельцу. Деньги будут переданы при составлении документа, под запись».

Перо остановилось.

— Двенадцать?! — Кара выпрямилась. — Рик, у нас мастера, корма, ты сам считал...

— Эти деньги — единственное, за что Тэрий может меня зацепить. — Я накрыл её руку ладонью. — Верну под запись и всё. Считай, что за двенадцать золотых мы сохраняем Соляной. Дёшево вышло.

Сестра тяжело вздохнула и записала.

К концу диктовки у меня уже подрагивали руки, и я убрал их в карманы. К третьему часу Кара начисто переписала оба листа, мы сложили их, и сестра ушла спать, взяв с меня слово разбудить её к приезду чиновников, а мы с Шипом готовили двор аж до серого рассвета — стелили рогожи от ворот к изолятору, ставили козлы, меняли щёлок в бадье у порога. Ведро над загоном Зары мерно отстукивало капли, и под этот счёт я в последний раз обошёл периметр. Серый проводил меня взглядом из-под навеса и снова уткнул нос в лапы. Я умудрился немного поспать — Шип прикрыл.

Канцелярия приехала к полудню, и выглядело это гораздо серьёзнее, чем я рассчитывал.

По тракту поднялась крытая повозка и двое стражников на дрейках. Первой вышла Мельса — в дорожном плаще поверх серого платья, с прижатой к боку папкой. Следом выбрался незнакомый старик в чёрном одеянии, с костяным ларцом под мышкой.

Первым делом он посмотрел на мой рогожный коридор от ворот к изолятору. Меня оглядел уже после — коротко, как какую-то вещь.

— Старший дознаватель Ольм, — представила его Мельса у ворот. — Ведёт эпидемии и моры тридцать лет, прибыл по жалобе Тэрия. Смотритель Рик.

— Тот самый, что ночью учил Арона уложениям. — Голос у Ольма оказался тихий и звучал без насмешки. — С утра он пересказывал это всей казарме. Показывайте, смотритель.

Я повёл их. У порога изолятора Ольм остановился, качнул носком сапога бадью со щёлоком — полная ли — тронул пальцем свежую рогожу и молча натянул перчатки и обмакнул руки в щёлок по локоть. Мельса замешкалась у порога, и я сам подал ей пару.

— Труп не вскрывался, — доложил, отпирая оба засова. — Лежит как пал. Я касался его в перчатках, перчатки сожжены.

— Грамотно, — сказал Ольм.

В изоляторе я откинул рогожу. Пахло щёлоком и сладко-

ватым душком, который ни с чем не путаешь.

Дальше действовал дознаватель, а я стоял у стены и смотрел.

Работал он скупно и точно — на моей памяти так вскрывали только старые патологоанатомы, которым давно не вели счёт трупов. Старик раздвинул свалывшуюся шерсть на шее, нашёл чёрное пятно с белёсым валиком по краю — и замер над ним. Провёл специальным щупом к паху, где находилось ещё два пятна. Оттянул мантикоре губу, глянул на дёсны. Пальцами прощупал вздутия по крупным жилам — те самые узлы, что я видел на контуре.

Потом он медленно выпрямился, и я увидел его лицо.

Старик узнал.

Лицо его разом посерело — он посмотрел на Мельсу. Женщина вопросительно глядела на него. Молчание висело секунды три — а потом перстень на её руке коротко стукнул о косяк бокса.

— Пишите, госпожа, — ровно сказал Ольм, стягивая перчатки. — Падёж от скрытой хвори, приобретённой задолго до поступления на подворье. Признаки внутренние, при жизни неразличимые. Вины содержателя не установлено.

Да, чёрт возьми!

Вины нет — ради этих слов я и не спал ночь. Победа. Но пока Ольм диктовал, я понял, что всё подтвердилось.

Вот этот старик увидел заразу... Увидел и узнал и... не назвал. Сказал «скрытая хворь».

Выходит, Совет не просто помалкивает про эту дрянь перед горожанами. Про неё молчат даже здесь — в глухом боксе, над трупом. Старик не рискнул сказать вслух.

Зато оправдание я получил быстрее, чем рассчитывал. Оно и понятно — чем скорее это дело закроют, тем меньше вопросов останется к ним самим.

— Труп сжечь сегодня же, с известью, на месте, — продолжал Ольм. — Пепел закопать. Бокс выжечь серой. Подворью — трёхдневный карантин, дальше месяц наблюдения.

Он покосился на рогожный коридор и спросил уже другим, живым тоном:

— Кто вас учил карантинному делу, смотритель?

— Далеко отсюда.

— Хорошо учили. — Старик убрал щуп в ларец. — Я лишь второй раз вижу двор, где мне не хочется плевать.

У повозки, пока Ольм с писарской неспешностью составлял документы, я передал Мельсе кошель.

— Двенадцать золотых. Аванс владельца, возвращаю полностью. Прошу принять под запись и передать Тэрию через Канцелярию.

— Под запись. — Мельса взвесила кошель на ладони, и мне показалось, что она почти улыбнулась. — Жалоба Тэрия была у меня на столе сегодня утром, Смотритель. На час позже старшего дозора Арона, которого вы так грамотно напугали. Вы понимаете, что решил этот час?

— Понимаю. Потому и не спал.

Она глянула на Ольма — старик скрипел пером и не мог нас слышать — и понизила голос почти до шёпота.

— Формулировку в архив я перепишу сама. «Скрытая хворь», без подробностей. — Она помолчала. — В Совете запрещено упоминать эту болезнь, Смотритель. Запрет негласный и очень тяжёлый. Ваше заявление — первое, где её признаки зафиксированы, и я похороню её в самом дальнем шкафу. Для вашего же блага. — Перстень коротко стукнул о кошель. — Вы второй раз оказываетесь рядом с этой дрянью. Люди, которые велели молчать, такое замечают. Будьте осторожны.

— Этого разговора не было, — сказал я.

— Учитесь. — Она повернулась к повозке. — Карантин на три дня. Наблюдение — месяц. Всего доброго, Смотритель.

Труп мы сожгли до заката. И это была полноценная ликвидация биологической угрозы. Я заставил всех обмотать лица плотной ветошью, пропитанной щелоком. Никаких открытых участков кожи, строгий осмотр на предмет царапин.

Шип выкопал глубокую яму у дальней стены, с подветренной стороны, чтобы дым не шел на вольеры с животными. За всю работу он не проронил ни слова. Нойс таскал известь и морщился — она ела глаза даже сквозь повязку, но я жестко пресекал любые попытки потереть лицо руками.

Тушу перетаскивали баграми.

Следил за каждым движением, чтобы, не дай бог, из пасти не брызнула кровь или сукровица. Когда огонь взялся за

пропитанную маслом шерсть, над Соляным поднялся столб жирного черного дыма. Его, надо думать, видели от самых городских стен. Пусть смотрят. Прятать такую проблему — значит расписаться в чувстве вины.

А вот слух Тэрия долетел до города раньше дыма.

Первый посыльный явился ещё до сумерек — от заводчика гончих с северной окраины, который две недели напрашивался ко мне с хромым кобелём. Записка была короткая и вежливая до тошноты. Обстоятельства переменились, осмотр просим отложить. Второй пришёл следом, от рыночного торговца, и этот про вежливость даже не думал — передал на словах, что господин раздумал.

Кара выслушала обоих у ворот, вернулась, села рядом со мной на скамью и зло щёлкнула костяшками.

— Заказы теряем! Золото! И это только первые. — Она покосилась на меня. — Бумага бумагой, а Тэрий языком мелет быстрее, чем Шип сжимает свой эспандер.

— Переживем. — Я устало потер переносицу. — Кара, это естественный отбор клиентов. Отвалились те, кто паникует от первого же слуха. С такими проблем всегда больше, чем прибыли. Завтра у них зверь сожрет тухлятину, а обвинят они нас, потому что Тэрий так сказал.

— Заказы-то уходят прямо сейчас, — упрямо сжала губы сестра.

— Пусть уходят к тем, кто жжёт у носа тварей травы и пляшет с бубном у костра. Вернутся, когда их звери начнут

дохнуть, только ценник для них будет уже в два раза выше. Мы не богадельня. А если всё пойдёт совсем плохо, можно будет сделать показательную демонстрацию нашего профессионализма. Выход будет, не переживай.

Кара внимательно посмотрела на меня и медленно кивнула. Хрустнула костяшками пальцев уже спокойнее. Паника ушла, осталась рабочая злость.

В ворота дважды негромко стукнули.

Ну кто там ещё?

За створкой стоял Каэль.

— У нас карантин, — сказал я вместо приветствия.

— Знаю. Я возле ворот постою. — Ворон подошёл к смотровой заслонке — в свете фонаря я различал только серые глаза и бороду. — То золото, что ты мне оплатил, ещё работает, Смотритель, и я пришёл это доказать. У меня информация, которая до завтра не дотерпит. Две новости. Слушаешь?

— Говори.

— Первая. Артемис, Клан Гребня — тот, что спрашивал о тебе у твоей сестры, кстати, спрашивал и у Варга. Он в городе уже месяц. Живёт тихо, в Верхнем городе, комната оплачена до зимы. — Каэль помолчал. — Месяц, Смотритель. Человек проделал путь с Дракона, расспросил о тебе половину рынка — и месяц не подходит к твоим воротам. Мы таких повадок не любим. Тот, кто медлит, либо ждёт приказа, либо момента.

Холодок знакомо тронул спину.

— Вторая новость. — Голос Ворона стал суше. — Барон Тшен. Тот, чей корабль привёз в город первую смерть. Он нанимает людей. Через подставных, на трёх архипелагах разом. Лекарей, знахарей, травников, смотрителей — всех, кто разбирается в звериных болезнях. Хорошие деньги, тёмные условия, вербовщики не говорят, на кого работают.

Ворон выждал.

— С этой недели вербовщики есть и на Семи Хвостах.

Я стоял у заслонки и молчал, почти не понимая, как сопоставить все эти факты. Мысли тяжело ворочались — третьи сутки брали своё.

Человеку, который, возможно, привёз болезнь, зачем-то понадобились люди, понимающие эту заразу? Таких нанимают или лечить болезнь или разводить её.

И ещё одно я понимал теперь ясно. К утру весь город будет знать, что смотритель с южного тракта разбирается в заразе лучше городских лекарей — потому что тварь сгорела, а Соляной продолжил работу.

Вербовщики Тшена слушают те же сплетни, что и все.

— Каэль, — сказал я. — Если начнут спрашивать обо мне — я хочу знать об этом раньше, чем они рот откроют.

— Уже оплачено, Рик. — По голосу было слышно, что Ворон усмехнулся. — Доброй ночи.

Шаги на тракте стихли. Я задвинул заслонку и обернулся.

У изолятора остывала засыпанная яма, над которой Шип

ровнял землю. В доме горело окно — Кара поила Тила отваром на ночь. Серый вышел из темноты, сел у моей ноги и устался на створки, будто видел сквозь них.

— Знаю, малой, — сказал я и почесал ему загривок. — Работы прибавится.

Это правда.

Тэрий ещё неделю будет визжать на весь Верхний квартал, через месяц проверка карантина, вскоре придут и за Притворщиком, в моей комнате спит мальчишка, которого я пока не умею лечить, а про заразу, которую я сегодня сжёг собственными руками, в этом городе запрещено даже говорить.

За морем барон собирал знатоков звериных болезней. Серого нужно тренировать, а Зарой, близнецами и Хромом — заниматься по полной.

Ещё и Артемис этот...

Я поднял голову, взглянул в ночное небо и выдохнул:
— Да пошло оно всё. Не сегодня.

И ушёл спать.

Снова привет! Пожалуйста, если вам нравится моя книга, не поленитесь поставить пять звезд, для меня это важно! Спасибо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.